DOI: 10.26907/2074-0239-2019-58-4-94-99
УДК 811.163.1

ФОРМЫ ПЕРФЕКТА В КАЗАНСКОМ ЕВАНГЕЛИИ XIV ВЕКА

© Наталия Николаева

PERFECT TENSE-FORMS IN THE KAZAN LECTIONARY OF THE 14TH CENTURY

Nataliya Nikolaeva

The article deals with the cases of the perfect tense use in the Kazan Gospel (a manuscript of the 14th century from the collection of the Kazan University Scientific Library). The manuscript contains a traditional text of the Old Church Slavonic origin, so the relations and the meaning of the perfect tense forms, on the one hand, should basically coincide with those presented in the ancient samples of the Slavic Gospel. On the other hand, the manuscript is fairly Russified in terms of grammar; consequently, the forms of the perfect tense can be influenced by the living Old Russian language. The purpose of the work is to describe the forms of the perfect tense, to clarify their grammatical meanings, including their connection with the context factor. The article concludes that initially the Slavic perfect tense, being in some intermediate state between the verbal and nominal forms, contained a syncretic meaning that combined resultativeness of the verb and characterization of the nominal part of speech. In different periods of the language development and in different types of texts, these meanings received various actualization. The hypothesis concerning the syncretic grammatical meaning of this form explains why the use of these perfect tense forms is incomprehensible from the modern point of view and reconciles different opinions on the interpretation of their meanings.

Keywords: Kazan Lectionary, Old Russian language, perfect tense, grammatical meaning, grammatical lexicology.

В статье рассматриваются случаи употребления форм перфекта в Казанском Евангелии (рукопись XIV века из собрания НБЛ КФУ). Рукопись содержит традиционный текст древнецерковнославянского происхождения, так что соотношение и значение форм перфекта, с одной стороны, должны в основном совпадать с представленными в древних образцах славянского евангелия, с другой – рукопись в достаточной степени русифицирована, в том числе и в сфере грамматических особенностей, так что и формы перфекта могут испытывать влияние живого древнерусского языка. Цель работы состоит в описании перфектных форм, уточнении их грамматического значения, в том числе в связи с фактором контекста. Делается вывод о том, что изначально славянский перфект, находясь в некоем промежуточном состоянии между глагольной и именной формой, заключал в себе синкретичное значение, объединяющее результативность (от глагола) и характеристику (от имени). В разные периоды языкового развития и в разных типах текста эти значения получали разнообразную актуализацию. Гипотеза о синкретичном грамматическом значении этой формы объясняет непонятные с современной точки зрения факторы употребления перфектных форм и примиряет разные взгляды на интерпретацию их значения.

Ключевые слова: Казанское Евангелие, древнерусский язык, перфект, грамматическое значение, грамматическая лексикология.

О перфекте в старославянском и древнерусском языке за последнее столетие было написано и сказано в славистике очень много, тем не менее до сих пор появляются новые работы, посвященные осмыслению этой формы в предыстории и истории русского языка. Во-первых, не всеми признавались исключительно глагольный характер этой формы (В. М. Марков с опорой на А. А. Потебню и А. А. Шахматова – см. обзор истории

критики в [Марков], а также [Колесов, с. 312] и т. п.) и идентичность грамматической и / или стилистической сущности перфекта с глаголом-связкой и бессвязочного перфекта (в обзоре у В. А. Плунгяна и А. Ю. Урманчиевой со ссылкой на А. Вайана и Р. Вечерку [Плунгян, Урманчиева, с. 16–17]).

Во-вторых, конфронтация перфектных и аористных форм в текстах самых разных жанров

заставляла исследователей с самого начала задумываться об особенностях грамматической семантики перфекта. Хотя ее ищут преимущественно в системе временных координат, некоторые грамматисты, начиная с А. А. Потебни (см. историю вопроса в [Марков]), более склоняются к признанию экстемпоральности значения этой формы (то же, по сути, в концепции В. А. Плунгян и А. Ю. Урманчиевой [Плунгян, Урманчиева] и Б. Гаспарова [Гаспаров]) с акцентуацией ее субъективного характера и эмфатической функции [Шаяхметова, Жолобов, с. 1170].

В-третьих, изначально было признано, что значение перфекта во многом обусловлено жанровой принадлежностью текста, в котором он встречается, а также типом текста (диалог vs. нарратив). Однако представленные на старославянском языке тексты ограничены жанрами сакрального характера, и сравнение употребления перфекта в них, по сути, так же ограничено. Попытка определить тонкие нюансы значения перфекта на материале некоторых памятников старославянского языка, предпринятая Плунгянгом и Урманчиевой, описывает семантику этой формы в рамках замкнутой тексто-жанровой системы [Плунгян, Урманчиева]. Интересную, на наш взгляд, попытку гармонизировать значение перфектных форм и сакральное содержание евангельского текста на материале старославянских памятников, и даже подчинить семантику грамматической формы широкому контексту и его жанровой специфике, предпринял Б. Гаспаров [Гаспаров]. Древнерусский перфект на протяжении столетия изучался и изучается традиционно чаще всего на материале летописей и деловой письменности.

Такие тексты, как Казанское Евангелие XIV века [Евангелие-апракос], представляют особый интерес для изучения грамматических особенностей, в частности перфекта, поскольку, с одной стороны, они являют собой достаточно строгое продолжение старославянской традиции первых кирилло-мефодиевских переводов (так, в его тексте сравнительно мало бессвязочного перфекта, в то время как в древнеславянском Апостоле, который относится к той же традиции, по свидетельству М. О. Новак, формы без вспомогательного глагола преобладают [Новак, с. 70]), а с другой – неизбежно отражают влияние живой древнерусской языковой среды, в которой данный текст создавался (переписывался).

Мы видим свою задачу в том, чтобы представить статистику и особенности употребления перфектных форм в тексте Казанского Евангелия, учитывая его гибридную сущность (смешение старославянской традиции и влияния древ-

нерусского языка), в том числе рассмотреть значение перфекта в разных формах лица.

В рукописи Казанского апракоса мы обнаружили 111 форм перфекта: 3 формы 1-го лица единственного числа (все с глаголом-связкой), 66 форм 2-го лица единственного числа (в том числе 1 бессвязочная, хотя это неоднозначный случай), 25 форм 3-го лица единственного числа (в том числе 8 форм без связки), 14 форм 2-го лица множественного числа (2 из них без связки) и 3 формы 3-го лица множественного числа (2 из них без связки). Итак, из 111 форм большинство составляют формы 2-го лица обоих чисел (80 случаев – около 73% от общего количества). Употребление бессвязочного перфекта ограничивается 13 случаями (около 12,5% от общего количества).

Формы перфекта 2-го лица характеризуют прежде всего диалогическую (прямую) речь. Все исследователи едины во мнении, что они сохраняли глагол-связку дольше остальных форм, в том числе и в древнерусском языке, но причина этому однозначно не определена. Чаще всего называют нежелательную омонимию аориста 2-го и 3-го лица единственного числа, с одной стороны, и этих же форм аориста глаголов *i*-основ с формами повелительного наклонения – с другой, хотя не все придерживаются этой точки зрения [Гаспаров, с. 219]. В. В. Колесов приводит следующие аргументы: связка *еси* долго заменяла малоупотребительное личное местоимение 2-го лица (*ты*) [Колесов, с. 290]; аналитические формы обладали изначальной экспрессивностью, поэтому и в XVI веке они употребляются, например, в переписке Ивана Грозного с князем А. Курбским [Там же, с. 317]; наконец, исследуя судьбу связок в формах 1-го и 3-го лица, Колесов включает в систему доказательств ритмомелодический (акцентологический и интонационный) фактор [Там же, с. 315]. Нам представляется, что именно ритмомелодический характер форм 2-го лица в сочетании с повторяемостью контекстов, обуславливающей становление текстовых формул, что является немаловажным фактором устройства риторической системы (ведь применительно к употреблению этих личных форм мы подразумеваем прежде всего диалогическую речь), явился основным условием сохранения связки в данных перфектных образованиях в рамках некоторых жанров, в том числе и в евангельском тексте. В качестве иллюстрации приведем пример из рукописи Казанского Евангелия: Ин. 7: 24 *хоцю ѿдеже ѿсѣ азъ и ти будѹть со мною. да видѣть славу мою. юже далъ ѿси мнѣ. ꙗко*

възлюбилъ ѿси мене преже сложенъа мира [Евангелие-апракос, л. 106].

Единственный случай, когда в Казанском Евангелии форма 2-го лица употребляется как будто бы без связки (что представляло бы собой уникальный факт), при ближайшем рассмотрении оказывается весьма неоднозначным в отношении принадлежности ко 2-му лицу: Лк. 12:20 рѣ же ѿмѣ бѣ безумне . в сию нощь истажаю дѣшу твою ѿ тебе . ѿже оуготовала кому бѣдетъ [Там же, л. 78в]. Последняя синтагма должна пониматься как «кому достанется то, что ты заготовил?». Но переписчик явно относит слово оуготовала к душе («что приготовила душа»), так что ожидаемая и закономерная (обусловленная греческим текстом) форма 2-го лица оборачивается формой 3-го лица, в которой отсутствие связки фиксировалось уже в старославянских памятниках.

В тексте Казанского Евангелия бессвязочных форм 3-го лица относительно немного. Большинство из них имеют параллели с формами со вспомогательным глаголом, за исключением немногих, представляющих собой малоупотребительные в данном тексте слова.

Характеризовать значения форм 3-го лица достаточно сложно. В текстах Писания и подобных жанрах значение грамматической формы (не только перфекта) контекстуально. Кроме того, что касается временных форм глаголов, мы должны всегда учитывать, употребляются ли они в синтаксически независимой позиции, зависимой позиции (гипотаксис), есть ли оппозиция другим временным формам.

Так, в отношении перфектных форм в изучаемом тексте мы можем выделить как минимум следующие значения:

1. Значение факта:

М. 10:6 а ѿ зачала созданиа мѹжа и женѹ створи́лъ ѿ́сть бѣ [Евангелие-апракос, л. 89в];

Мф. 28:6 придита ѿ видита мѣсто идѣ́же лежалъ гъ [Там же, л. 141а];

Мф. 24:29 ѿблѣзи с нама ѿко при вечери ѿ́сть . ѿ прѣклонилъ са оуже дѣмь. [Там же, л. 154б] и т. п.

2. Характеризующее значение:

Ин. 7:46 николиже тако глѣ ѿлѣкѹмъ ѿ́же си глѣть. [Там же, л. 116], то есть никогда не было такого, кто так бы говорил (= так говорящего);

Ин. 14:15 пѹсто ѿ́сть мѣсто . ѿ часъ оуже мину́лъ ѿ́сть [Там же, л. 30в] – в данном фрагменте определительное значение явственно подчеркивается

синтаксическим параллелизмом в построении синтагмы.

3. Результативное значение (проявляющееся в основном в оппозиции временных форм в микроконтексте):

Мф. 12:28 аще ли дѣхмъ ѿ́имъ ѿзгоню бѣсы . приспѣло ѿ́сть на въ цѣрѣво нѣбо́е. [Там же, л. 22б];

М. 10:9 еже оубо бѣ соуталъ ѿ́сть . ѿлѣкъ да не разлѹчитъ [Там же, л. 89в];

Мф. 5:28 весь ѿ́же възрѣти на женѹ с похотѣю . оуже прелюбѣ с нею створи́лъ . въ срѣци своѣмь. [Там же, л. 13а] и т. п.

По-разному можно интерпретировать результативность перфектных форм в тех контекстах, где они встречаются с формами аориста. Например, в следующем фрагменте аористом выражается действие неопредельное, а перфектом – предельное, однократное: Ин. 3:16 тако възлюби бѣ́ мира . акъзи снѣ́ свои ѿноча́дѣи далъ ѿ́сть да все върѹ́ѣи во нь не погъибнѣтъ нѣ́ имать животъ въ́внѣи [Там же, л. 143а]. Однако возможны и другие интерпретации: так, согласно теории Б. Гаспарова [Гаспаров, с. 224], перфект обозначает трансцендентное действие (снѣ́ свои ѿноча́дѣи далъ ѿ́сть), а аорист – то, что относится к тварному миру (такъ възлюби бѣ́ мира).

Противопоставление предельности и неопредельности действия, равно как и изображение хронологической последовательности, где перфект обозначает предпрошедшее событие, мы обнаруживаем и в следующем фрагменте: Ин. 11:44 мнози же ѿ ѿноча́дѣи пришли къ мѣ́рѣи . и видѣ́ше ѿ́же створи ѿ́зъ върѹ́ѣи во нь [Евангелие-апракос, л. 110б].

Но вот в другом отрывке последовательность действий будет отображена прямо противоположным способом: давние события обозначены рядом аористов, более близкое к нам – перфектом: Лк. 6:3-4 ни ли сего ѹ́ли еже створи давѣ́дъ . ѿ́же възалка самъ . ѿ ѿ́же с нимъ вахѹ́ . како вниде въ домъ ѿ́ни . ѿ хлѣ́бѣи предложениа при́и ѿ́сть . ѿ дасть сѹ́щимъ с нимъ. [Там же, л. 64б].

Можно предположить, что в определенный момент развития славянского перфекта частное значение предпрошедшего действия было размыто до значения действия, происходящего относительно какого-то другого действия, после-

довательность которых, однако, уже не регламентируется. Об этом косвенно свидетельствуют и случаи взаимодействия в узком контексте перфекта и будущего времени, перфекта и настоящего времени (как в вышеприведенных примерах). Значение относительности поддерживалось возможностью употребления с «эловым причастием» в темпоральной системе языка вспомогательного глагола в настоящем («перфект»), прошедшем («плюсквамперфект») и будущем («futurum exatum») времени.

В рамках общего значения результативности реализуется то значение, которое традиционные грамматики считают наиболее релевантным для перфекта – действие в прошлом, результат которого имеет значение для настоящего. Несмотря на то, что это значение признается не всеми (в том числе в связи с неоднозначной интерпретацией самого грамматического статуса перфектной формы), оно действительно существовало и было актуально по крайней мере для того времени, когда писалось Казанское Евангелие. В текст его проникла нехарактерная для данного фрагмента в целом (ср. [Евангелие от Матфея, с. 138]) перфектная форма, которая, несомненно, эксплицирует связь между прошлым и настоящим действием. Примечательно, что даже синтаксический параллелизм построения синтагмы не повлиял на выбор формы писцом. По-видимому, перед нами достоверный случай влияния живого языка на традиционный текст: Мф. 25:26 *ꙗзыи рабе лꙋкавѣи въѣдаше ꙗко жи* ѿдеже нѣсмь сѣѣа. и свираю ѿдѣже не растоѣихъ* [Евангелие-апракос, л. 52a].

Влияние греческого языка на выбор формы перфекта, как неоднократно отмечалось, практически отсутствует: славянский перфект переводит, как правило, греческий аорист. Мы обнаружили, однако, один случай употребления перфектной формы, где она стоит на месте греческого причастия. Возможно, это своего рода вариант греческого – очень редкого в отношении перфекта – влияния, когда причастие (в данном случае – *ποιήσας*) передает так называемая «эловая» форма со связкой: Лк. 11:40 *не ѿже ли ѿсть створиъзъ внешнеи и внꙋтрени створи* [Там же, л. 71a].

В. В. Колесов писал, что «в становлении перфекта как категории прош. вр. в разное время представлены:

- временное значение, связанное с отношением к реальному наст. вр.;
- результативное значение, связанное с видо-выми отношениями;

- качественное значение, связанное с залоговыми отношениями;

- родовое значение, связанное с выражением рода в противопоставлении лицу» [Колесов, с. 316–317].

Мы полагаем, что основными тут были значения результата и качества (временное и родовое значения – производные от них). Они сформировали диффузную семантику славянского перфекта. И в разные периоды, в разных типах текста актуализировалось то или иное значение. Так, мы видели, что для составителя Казанского апракоса было релевантным временное значение, связывавшее действие в прошлом с настоящим и т. д. и т. п.

На этом основании мы выделяем еще одну группу значений:

4. Синкретичное значение, совмещающее в себе, как правило, характеризующий и результативный оттенки (включая значение факта). Это было, по всей видимости, изначальное значение перфекта, который по своему значению, по мнению Колесова, есть «вневременная категория, происхождением обязанная необходимости выразить качество субъекта действия, данное как состояние (результат) действия» [Колесов, с. 312].

Самый, пожалуй, показательный и известный пример такого рода – фрагмент о воскрешении девочки, которая «не умерла, но спит»:

Мф. 9:24 *и гла имъ ѿидѣте. нѣ ѿмерла дѣѣца но спитъ. и смѣяхꙋ сѧ ѿмꙋ* [Евангелие-апракос, л. 26a].

Ср. также:

Мф. 24:32 *ѿ смокве же наоꙋчите сѧ притꙋи. ꙗже въѣа ѿмладѣло ѿсть листовиѣ ѿдино присакнеть. въсть ꙗко близъ ѿсть жатва.* [Там же, л. 37b];

Мф. 19:19 *и гла ѿмꙋ оꙋноша всѧ си хранихъ ѿ оꙋности моѣѧ. и что ѿсмь ѿще не докончашъ* [Там же, л. 40в] и т. п.

Надо заметить, что вопрос о залоговом статусе «элового причастия» не решен однозначно. Подобные случаи употребления наводят на мысль, что залог был связан в данном случае с транзитивностью образующего глагола. От глагола транзитивного образовывался некий эквивалент страдательного причастия, как в последнем из приведенных примеров или в следующем: Лк. 23:35 *имъ ѿсть спѣзъ да спѣтъ и себе* [Там же, л. 136a], то есть «спасший других пусть спасет себя».

Синкретизм грамматического значения обусловлен тем, что форма так называемого перфекта была всегда амбивалентна, находясь между глаголом и именем, особенно при факультативности связки. По-видимому, синкретизм был исходным в значении этой формы – с его распадом мы можем говорить о преобладании какого-то конкретного значения (факта, результата, отношения, характеристики и т. п.; набор выделяемых значений – в какой-то степени вопрос терминологический). С этой точки зрения, и те, кто отказывают перфекту во временном значении и статусе темпоральной формы, и те, кто вычленяют хронологические оттенки его семантики, рассматривают разные стадии «созревания» синкретизма его грамматической сущности и значения – от зарождения до распада. Признанием факта синкретизма грамматического значения перфекта и применением его в анализе конкретных текстовых феноменов можно было бы, вероятно, объяснить как непонятные с современной точки зрения, не укладывающиеся ни в одну логическую схему случаи употребления этих форм и их разнообразную интерпретацию исследователями славянского перфекта, так и в итоге формирование на базе этой формы русского прошедшего времени (опосредованное следствие распада синкретизма грамматического значения или, лучше сказать, катализатор) и известную омонимию этих форм и прилагательных на -л (*овоц гнил*).

Статья подготовлена в рамках работы над проектом «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингвистическое исследование», поддержанным фондом РФФИ (№ 17-34-00019-ОГН19).

Список литературы

Гаспаров Б. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1. С. 215–242

Евангелие-апракос. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета, № 2072. 159 л.

Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб.: Российское библейское общество, 2005. 182 с.

Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 512 с.

Марков В. М. К истории форм прошедшего времени в русском языке // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts (Beiträge zur

Slavistik. Bd. XXXIII). Frankfurt am Main u. al.: Peter Lang, 1997. Pp. 295–303.

Новак М. О. Формы перфекта в древнеславянском переводе Апостола (на материале списков XII–XIV вв.) // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15, № 2. С. 69–74.

Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Перфект в старославянском: был ли он результативным? // Slověne. 2017. № 2. С. 13–56.

Шахметова Э. Х., Жолобов О. Ф. Функционально-семантические особенности перфектных форм в сборнике XIII в. // Учен. зап. Казан. ун-та. 2017. Том 159, кн. 5. С. 1163–1174.

References

Evangelie-aprakos [The Lectionary]. 159 p. Otdel rukopisei i redkikh knig Nauchnoi biblioteki Kazanskogo federal'nogo universiteta. No. 2072. (In Russian)

Evangelie ot Matfeia v slavianskoi traditsii (2005) [The Gospel of Matthew in Slavic Tradition]. 182 p. St. Petersburg, Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo. (In Russian)

Gasparov, B. (2003). *Nabliudeniia nad upotrebleniiem perfekta v drevnetserkovnoslavianskikh tekstakh (K voprosu o prirode grammaticheskogo znacheniiia)*. [Observations on the Use of the Perfect Tense in Old Church Slavonic Texts (On the Nature of Grammatical Meaning)]. *Russkii iazyk v nauchnom osveshchenii*. No. 1, pp. 215–242. (In Russian)

Kolesov, V. V. (2008). *Istoricheskaiia grammatika russkogo iazyka* [Historical Grammar of the Russian Language]. 512 p. St. Petersburg, Filologicheskii fakul'tet SpbGU. (In Russian)

Markov, V. M. (1997). *K istorii form proshedshego vremeni v russkom iazyke* [On Preterit History in the Russian Language]. *Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts (Beiträge zur Slavistik. Bd. XXXIII)*. Frankfurt am Main u. al., Peter Lang Publ., pp. 295–303. (In Russian)

Novak, M. O. (2016). *Formy perfekta v drevneslavianskom perevode Apostola (na materiale spiskov XII–XIV vv.)* [Forms of the Perfect Tense in the Old Slavic Translation of the Apostle (Based on the Manuscripts of the 12th – 14th Centuries)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudertvennogo universiteta. Seriiia. 2: Iazykoznanie*. T. 15, No. 2, pp. 69–74. (In Russian)

Plungian, V. A., Urmancieva, A. Iu. (2017). *Perfekt v staroslavianskom: byl li on rezul'tativnym?* [The Perfect in Old Church Slavonic: Was It Resultative?]. *Slověne*. No. 2, pp. 13–56. (In Russian)

Shaiakhmetova, E. Kh., Zholobov, O. F. (2017). *Funktsional'noe-semanticheskie osobennosti perfektnykh form v sbornike XIII v.* [Functional and Semantic Features of Perfect Forms in the Manuscript of the 13th Century]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriiia Gumanitarnye Nauki*, vol. 159, No. 5, pp. 1163–1174. (In Russian)

The article was submitted on 17.11.2019
Поступила в редакцию 17.11.2019

Николаева Наталия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
eulen@mail.ru

Nikolaeva Nataliya Gennadievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
eulen@mail.ru